

И. Э. Магадеев

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ:
ВЗГЛЯД ФРАНЦУЗСКИХ И БРИТАНСКИХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ в 1920-е годы**

Вопрос, стоящий в центре данной статьи заключается в следующем: что изменилось в мировой политике, как с точки зрения ее общих принципов и условий осуществления, так и более конкретных реалий, по мнению влиятельных государственных деятелей и дипломатов Великобритании и Франции, действовавших в 1920-е гг.? Используя редкие документы из архивов Франции и Великобритании, рукописного отдела Национальной библиотеки Франции, публицистические произведения, автор выделяет следующие ключевые изменения в их субъективном восприятии современниками: увеличение «цены войны», усиление роли экономического и финансового факторов, идея о необходимости предотвращения конфликтов через механизм Лиги Наций, рост взаимозависимости государств. Первая мировая война открыла новую эпоху, одной из черт которой стало усложнение международно-политических процессов, нередко остро ощущавшееся уже современниками уже в 1920-е гг.

Ключевые слова: Первая мировая война, Франция, Великобритания, 1920-е годы, мировая политика, Ллойд Джордж, Чемберлен, Бриан, Клемантель, Лига Наций.

I. E. Magadeev

**First World War and the transformations in conceptions of world politics:
opinions of the French and British statesmen in the 1920s.**

Article is aimed to answer the question “What changed in conceptions and realities of the world politics from the point of view of influential French and British statesmen and diplomats who acted in the first decade after the First World War”? Basing on rare French and British archival documents author underlines the following transformations as they were perceived by French and British statesmen: increasing “price of war”, strengthening of the economical and financial factors in diplomacy and foreign policy, necessity to resolve conflicts through League of Nations mechanism, growth of interdependence between states. First World War opened a new epoch when world politics became a more complicated and complex process than earlier.

Keywords: First World War, France, Great Britain, 1920s, world politics, Lloyd George, Chamberlain, Briand, Clémentel, League of Nations.

Первая мировая война оказала колоссальное влияние на самые различные аспекты развития международных отношений и мировой политики в XX веке. Как писал один из исследователей, она явилась «великой разделительной чертой» в истории общественной и политической жизни Европы [10. Р. 11]. Как нередко в истории, важными были не только объективные изменения, но и характер их субъективного осмысления. Вопрос, стоящий в центре внимания данной статьи, можно сформулировать так: что изменилось в мировой политике, как с точки зрения ее общих принципов и условий осуществления, так и более конкретных реалий, по мнению влиятельных государственных деятелей и дипломатов Великобритании и Франции, действовавших в первое послевоенное десятилетие? Для ответа на него использованы редкие документы из архивов Франции и Великобритании, рукописного отдела Национальной библиотеки Франции, публицистические произведения.

Проблематика «уроков войны», вопросы о роли когнитивного фактора и изменившихся подходов к осуществлению внешней политики и дипломатии активно обсуждаются в современной историографии. В ряде недавних работ, среди которых можно выделить исследования британца П. Джексона [23] и американца П. Корса [13], предпринимаются попытки пересмотреть традиционные описания международных отношений в Европе в 1920-е гг., подчеркнув недооцененную, с точки зрения авторов, роль изменившихся представлений дипломатов и государственных деятелей о мировой политике. Опыт Первой мировой войны рассматривается как решающий фактор в возникновении новых концепций выстраивания межгосударственных отношений (не традиционные военные союзы, а многосторонние соглашения в рамках международной организации), воплощенных, среди прочего, в известных Локарнских соглашениях 1925 г. Данная дискуссия тесно связана с обсуждением вопроса о долгосрочных последствиях Первой мировой войны и оценкой того, насколько прочным был международный порядок 1920-х гг., был ли его крах предрешен или нет. Исследователи, не склонные придавать повышенного значения концептуальным изменениям, обычно оценивают попытки создания системы безопасности в Европе в 1920-е гг. более скептически, чем их оппоненты [27, 31].

Одна из масштабных политических трансформаций, вызванных опытом 1914–1918 гг., была достаточно очевидна для британских и французских государственных деятелей. Она заключалась в том, что «цена войны»

в Европе колоссальным образом возросла. Если летом 1914 г. многие в Лондоне и Париже питали надежды на возможность войны быстрой и относительно малозатратной, то после 1918 г. представления об условиях и последствиях «большой войны» в Европе были совсем иными. Первая мировая стала эталоном войны в Европе, которая сама по себе рассматривалась как катаклизм колоссального масштаба. Французские политики не раз в 1920-е гг. обращались к идее о том, что Франция может не выдержать нового подобного испытания [4]. Французский дипломат Ж. Камбон в сентябре 1925 г. полагал, что войны будущего, вовлекая в свой ход все большие массы, которым наука предоставит в распоряжение «вооружения еще более ужасные, чем ранее», будут «все более и более жестокими». С 1914 г., с его точки зрения, «было покончено с рыцарскими войнами далекого прошлого, когда враги предпринимали друг на друга галантные атаки; было покончено с более недавними войнами, которые не нарушали обычный ход национальной жизни и не оставляли позади себя следов ненависти» (примером последней для Камбона была Крымская война 1853–1856 гг.) [9. Р. 101].

В Великобритании, территорию которой Первая мировая обошла стороной, тем не менее опасались того, что новая «большая война» может серьезным образом ослабить Британскую империю в военном и финансовом отношениях. В феврале 1925 г., размышляя о методах недопущения франко-германского вооруженного противостояния, министр финансов У. Черчилль подчеркивал, что «мы хотим спасти себя от вовлечения в новый Армагеддон, ущерб при победе в котором будет почти таким же, как при поражении» [17].

В немалой степени идея о колоссальным образом возросшей «цене войны» была далека от реальной политики и планирования 1920-х гг. И для Лондона и для Парижа перспектива «большой войны» в Европе была связана, прежде всего, с франко-германским конфликтом. «Какова причина, заставляющая нас задуматься об этой ужасной возможности [войне в Европе]..? Это спор между Францией и Германией», — полагал Черчилль в 1925 г. [17]. В разработке французского Генштаба (1922 г.) потенциальный конфликт начинался на востоке Европе (нападением СССР и Германии на Польшу), однако именно ответная мера — французское наступление на территорию Германии — придавало ему всеевропейский характер (при этом среди потенциальных противников Франции фигурировала не только Германия, но и Великобритания, Италия

и Испания) [21]. В целом, в 1920-е гг., несмотря на подчас завышенные опасения французских военных, было очевидно, что на западе Европы Франция обладает военным превосходством над Германией. Как полагал Черчилль в конце 1928 г., «нет причин беспокоиться по поводу состояния дел в Германии, учитывая, что Франция поддерживает сильную армию. Мир в Европе гарантирован этой армией» [15]. Сценарий «большой войны» в условиях военной слабости Германии был далек от реалий 1920-х гг., однако его влияние на концепции построения безопасности являлось существенным.

Вывод о том, что «цена войны» резко возросла, как для французских, так и британских политиков был стимулом к поиску путей предотвращения конфликтов в Европе. Безусловно, этому же способствовал и тот факт, что оба государства были победителями в Первой мировой, заинтересованными в сохранении послевоенного статус-кво и купировании реальных и потенциальных угроз для него. Цель Локарнских соглашений 1925 г., одного из важных шагов на этом пути, была, по оценке сотрудника Форин Офиса Дж. Хедлем-Морли следующей: «не безопасность в войне, а безопасность против войны» [цит. по: 2. С. 244].

Важное место в размышлениях британских и французских политиков в 1920-е гг. занимал вопрос не только о возросшей «цене войны», но и о расширении масштаба факторов, влиявших на ход и результаты вооруженных столкновений. Существенное значение приобрело понятие «военного потенциала». В 1922 г. британский консервативный политик Р. Сесил, влиятельный не только в Лондоне, но и в Женеве, с трибуны Лиги Наций говорил о том, что военная сила любого государства складывается из двух частей: 1) наличной военной силы, ключевыми показателями которой являются мощь армии мирного времени и объем военного бюджета; 2) потенциальной военной силы, «важный элемент которой — промышленная и экономическая мощь каждого государства, военное значение которой было продемонстрировано в последнюю войну» [26].

Первая мировая продемонстрировала, что война стала, образно говоря, «больше», чем та война, которую представляли себе до 1914 г. Аналогичным образом и политика «расширила» свои границы. По мере «разрастания» и «тотализации» войны, сопровождавшихся все большим вмешательством государства в различные сферы жизни, становилось ясно, что довоенные идеи о четком разделении политики и экономики ушли в прошлое. Если до 1914 г. Э. Кроу, один из столпов Форин Офиса,

уверенно говорил о том, государственное и дипломатическое вмешательство в экономическую политику «в принципе вредно» [цит. по: 7. Р. 11], то опыт войны дал импульс для формирования и иных идей.

Германский пример государственного вмешательства в экономику и продвижения своих торговых интересов за рубежом рассматривался как та модель, которую придется в той или иной степени заимствовать всем. В июле 1918 г., выступая перед делегацией Национального союза производителей, британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж охарактеризовал сложившуюся в ходе войны систему государственного вмешательства в экономические дела и отметил: «Никто и не думает о том, что нынешняя система контроля продолжит существовать после войны... Тем не менее давайте не будем недооценивать того, что немцы получили от этой комбинации. Есть один урок войны, которому как раз немцы научили нас: это роль государственного содействия, помощи государства, стимулирования и поддержки с его стороны, роль совместных действий со стороны тех, кто имеет отношение к самым разным отраслям промышленности в стране». Ллойд Джордж призывал сохранить элементы системы государственного контроля и вмешательства в сфере добычи полезных ископаемых, транспорта, экономической помощи союзникам [6. Р. 10]. В Форин Офисе одним из сотрудников, чутко реагиовавшим на усиливающийся экономический тренд был глава службы торговых и консульских дел В. Уэллсли. В марте 1918 г. он писал: «Новая эпоха экономической жизни начинается у нас на глазах, и все указывает на то, что экономический фактор станет доминирующим в наших будущих отношениях с иностранными государствами» [цит. по: 7. Р. 12].

Во Франции утверждение идеи о непосредственном влиянии экономических, финансовых и ресурсных факторов на политику было напрямую связано с опытом войны, причем опытом весьма болезненным. Нехватка таких важнейших ресурсов как нефть (в конце 1917 г. запасы бензина во французской армии упали до 28 тыс. т. при минимуме, оцениваемом в 44 тыс. т.) [32. Р. 231] наряду с растущей зависимостью от финансовой помощи США и Великобритании воспринимались достаточно остро. Ф. Гийонек, инспектор Банка Франции, близкий к Р. Пуанкаре, в феврале 1918 г. записал в своем дневнике: «Англичане и американцы, которые извлекли большую пользу из войны, одни, сконцентрировав свои злополучные и несправедливые капиталы, вторые, обогатившись, весьма очевидно намереваются широко участвовать в восстановлении нашей страны,

че богатство было столь серьезно задето войной. Их цели достаточно явные: как можно больший контроль над нашими делами... Речь идет об экономическом завоевании за счет методов и средств, схожих с теми, что используют немцы...» [28]. Гийонек задумывался о двух потенциальных путях, открытых перед Францией: вхождение в «германскую группу» для противодействия тому, что он называл «англо-американским империализмом» либо, напротив, сотрудничество с Великобританией и США в противодействии планам по созданию «Срединной Европы», где доминировала бы Германия. Сам Гийонек склонялся ко второму из них.

Концепции французских экспертов, наиболее активно вовлеченных в формирование внешнеэкономической политики Франции, во многом развивались в 1920-е гг. по тем же двум направлениям. Э. Клемантель, министр торговли и промышленности в 1915–1919 гг., самым активным образом участвовал в организации экономического взаимодействия союзников по Антанте в годы войны и прекрасно осознавал возросшее влияние экономических факторов на внешнюю политику государства. Остро ощущая германское экономическое превосходство над Францией, средство его преодоления он видел в продолжении и после войны экономического сотрудничества союзников, под которым понималось сохранение элементов контроля, осуществляемого межсоюзными органами, за распределением ряда важных ресурсов и корабельного тоннажа [33]. Ошибка 1914 г., с его точки зрения, состояла в отсутствии у Антанты планов совместной экономической политики — каждая страна, рассчитывая на короткую войну, собиралась обойтись собственными запасами сырья и ресурсов [12. Р. 320]. Хотя, казалось, что такие шаги как, к примеру, создание в феврале 1919 г. Верховного экономического совета Антанты, позволят концепции Клемантеля реализоваться, по мере распада Антанты как военно-политического союза, экономическое взаимодействие Франции с Великобританией и США также сокращалось. В стремлении англо-саксов быстрее вернуться к либеральным нормам в международной экономической жизни Париж видел эгоизм сильных государств, спешащих воспользоваться своими преимуществами.

Глава управления торговых отношений МИД Ж. Сэйду и эксперт министерства финансов Ж. Авеноль видели способ преодоления экономической слабости Франции в экономическом сотрудничестве с Германией. Сотрудничества, в котором Франция, используя репарационные статьи Версальского договора, говорила бы с позиции сильного — эта

идея хорошо заметна в планах Сэйду по приобретению французскими промышленниками акций германских угольных компаний в залог будущих репарационных платежей [19. Р. 103] или в проекте Авеноля по созданию франко-германского консорциума, который бы занялся делом послевоенного восстановления Франции [19. Р. 103] (оба плана относятся к 1920 г.). Резоны при этом не сводились к франко-германскому примирению или получению экономических дивидендов, фактор конкуренции с англосаксами всегда держался в уме. Авеноль уже в марте 1920 г. делился с Пуанкаре своими мыслями о том, что «мы заинтересованы... помочь Германии, заключить контракты с ней, дабы не находиться всегда в зависимости от англичан и американцев» [29].

В целом, расширение экономического сотрудничества с Германией виделось многим дипломатам в Париже как важнейшая составная часть процесса франко-германского примирения и, как следствие, обеспечения мира в Европе. В ноябре 1925 г. Бриан, разъясняя представителям Франции за рубежом свои резоны в период заключения Локарнских соглашений, писал о необходимости «моральной разрядки в отношениях Франции и Германии, к которой так стремятся Европа и мир и которая является столь ценной для развития экономических отношений, которые день ото дня сокращают риск войны» [8].

Размышления о необходимости предотвратить в будущем «большую войну» шли рука об руку с анализом ошибок 1914 г., позволивших войне произойти. Одним из важных инструментов по предотвращению ошибок 1914 г. и недопущения аналогичного сценария развития событий должна была стать Лига Наций. Как отмечали современники, многие британские действия в период создания Лиги Наций проистекали из убеждения, что «войны можно было бы избежать, если бы австро-сербский спор был вынесен на конференцию европейских держав» [2. С. 260]. Лига Наций должна была послужить признанной площадкой для разрешения международных конфликтов по заранее согласованной процедуре. Влиятельный секретарь британского Кабинета министров М. Хэнки, в целом скептически относившийся к возможностям Лиге Наций, анализируя различные проекты 1920-х гг., вместе с тем полагал, что «главной целью планов Лиги является отсрочка начала войны, выигрыш времени, в течение которого могут быть предприняты меры по примирению и посредничеству» [16]. Французская концепция Лиги Наций, направленная на максимально тесное военное сотрудничество держав, заинтересованных в поддержании

статус-кво, также частично была результатом осмысления уроков 1914 г. Париж хотел быть твердо уверенным в том, что Великобритания выступит на его стороне в случае нового конфликта с Германией. Симпатизировавшие Франции британские политики, к которым вполне можно отнести Чемберлена, рассматривали события 1914 г. в схожем ключе. В конце 1924 г. Чемберлен рассказывал Бриану, что он «лично говорил лорду Грею до войны о том, что Антанта накладывает все обязательства союза, не имея его преимуществ. Я поддерживал заключение союза с Францией в это время и опубликование [договора о союзе] для всего мира» [14].

Создание Лиги Наций, как известно, было не только результатом анализа «уроков войны» и своего рода продолжением военного сотрудничества стран Антанты, но и стало ответом на серьезный общественный запрос по трансформации прежнего международного порядка, отражением дефектов которого виделась и сама Первая мировая [5. С. 445–459]. Среди прочего, Лига Наций должна была расширить возможности общества по влиянию на мировую политику: «Ее роль заключается в том, чтобы предоставить силам, выступающим за мир, ... средства для стимулирования и контроля действий правительств», — писал в 1927 г. влиятельный французский публицист А. Фабр-Люс [22. Р. 17].

У профессиональных дипломатов мысль о том, что общественные настроения начнут влиять на мировую политику, не вызывала радостных чувств. Вспоминая о событиях 1914 г., Ж. Камбон писал о том, что «политика, даже международная политика, выходит отныне за рамки правительств. Человек с улицы начинает играть в ней свою роль: он привносит свои страсти, свои инстинкты, свои предрассудки, свое невежество, что не делает легче задачу людей, пытающихся обратиться к разуму для недопущения катастроф» [9. Р. 102]. В ходе Локарнской конференции Бриан с сожалением говорил: «Несомненно, надо считаться с общественным мнением, и государственный деятель не может идти всегда прямым путем к цели, которую он себе наметил» [3. С. 233]. Собственно практика «локарнской дипломатии» Бриана, Чемберлена и Г. Штреземана второй половины 1920-х гг. с характерными для нее неофициальными встречами за закрытыми дверями (т.н. «локарнские чаепития») была во многом попыткой вернуть политику в руки профессионалов, делающих ставку на личные отношения, и снизить давление общественного мнения [24].

Безусловно, элементы «нового» и «старого» сосуществовали друг с другом в мировой политике 1920-х гг. Многие британские политики уже

тогда проявляли скепсис в отношении мирных договоров 1919–1920 гг., нацеленных на создание новых инструментов регулирования международных отношений: всеобщей системы коллективной безопасности в рамках Лиги Наций, использования принципа «права наций на самоопределение» и др. В марте 1919 г. Ллойд Джордж подчеркивал необходимость интеграции Германии в послевоенную Европу, опираясь, как ни странно, на прецедент Венского конгресса 1814–1815 гг. и политики великих держав в отношении пост-наполеоновской Франции. А. У. Веллингтон и Р. С. Каслри, доказывал британский премьер, хотя и являлись «злейшими врагами» наполеоновской Франции выступили против намерения Пруссии навязать «тяжелейшие условия» побежденному государству. Вместо разрушения Франции они стремились инкорпорировать державу, «чье присутствие было необходимо для цивилизации и стабильности в Европе» в систему европейского концерта. Победители 1918 г., намекал Ллойд Джордж, должны последовать этому примеру [13. Р. 42]. Еще большим адептом идеи возвращения к практике «европейского концерта» был Чемберлен. В феврале 1925 г. он подчеркивал: «Довоенная европейская система сгорела в огне великих сражений и была погребена под руинами, ими созданными. Эффективной замены ей найдено не было. После Наполеоновских войн первой задачей британских государственных деятелей было восстановить Европу посредством концерта великих держав и создать для Франции место в этой системе. Государственные деятели, собравшиеся в Версале, предприняли более амбициозную попытку. Они пытались заменить концерт европейских держав мировым союзом. К сожалению, их схема изначально была искажена из-за ухода Соединенных Штатов и отсутствия России» [18].

Чемберленовские идеи возрождения «европейского концерта» в 1920-е гг., являясь в какой-то степени попыткой воскресить классическую дипломатию XIX в., были, вместе с тем и реакцией на изменившиеся международные условия. «Локарнский концерт» Великобритании, Франции и Германии должен был быть не только способствовать франко-германскому примирению, но и изолировать СССР, а также укрепить голос Лондона в диалоге с Вашингтоном [25]. Бриановская дипломатия в этом смысле также содержала в себе понимание меняющегося глобального «баланса сил» и необходимости реагировать на него. В 1922 г. вскоре после не самой удачной для Франции Вашингтонской конференции Бриан, вернувшийся из первой в своей жизни поездки в США, тревожно констатировал: «В скором времени мы окажемся зажатými между двумя чудовищными державами — США

и Россией. Вы видите, что необходимо создать Соединенные Штаты Европы» [цит. по: 1. С. 113]. «Локарнский концерт», с точки зрения французского политика, не только логичным образом вел к усилению франко-германского сотрудничества, являясь прологом «Федерального европейского союза» (концепция, выдвинутая Брианом в 1929–1930 гг.), но и должен был укрепить голос Европы в конкуренции с «неевропейскими державами».

Общим среди британских и французских политиков 1920-х гг. было ощущение того, что мировая политика становится все более сложным делом. С глобальным и всеобъемлющим характером самой Первой мировой Клемантель связывал рождение «чувства взаимозависимости различных государств», которое он предлагал положить в основу их сотрудничества в Лиге Наций [12. Р. 322]. С развитием средств коммуникаций, ростом политических контактов и ускорением диффузии идей, наконец, с нарастающей экономической взаимозависимостью Чемберлен связывал «сужение» мира: «ни одна из частей мира в физическом или моральном состоянии не изолирована от других... интересы всех государств переплетены...» [11. Р. 181]. Масштабные геополитические трансформации в Европе, возникновение новых государств, в том числе революционного СССР склоняли некоторых дипломатов к идее о необходимости обновления концептуальных и организационных методов внешней политики. Французский дипломат Ж. Ф. Гренар в 1923 г. пытался убедить руководство Кэ д'Орсэ в необходимости создания специальной «Российской службы» МИД, говоря о том, что все вопросы, связанные с Советской Россией, «становятся еще более сложными и запутанными, поскольку они предстают в новом свете в стране, глубоко измененной революцией, политическое, экономическое и социальное положение которой постоянно изменяется. Тем самым их нельзя рассматривать рутинным способом... мы должны искать новые решения, адаптироваться к изменению условий» [20. Р. 121].

Вышеприведенный анализ тех изменений мировой политики, которые анализировались и воспринимались британскими и французскими государственными деятелями и дипломатами в 1920-е гг., хотя и не претендует на полноту, тем не менее демонстрирует, что современники достаточно ясно осознавали новизну того периода, в который им было уготовано жить и действовать. Набиравшие силу идеи о губительности войн и их катастрофических последствиях; необходимость поиска стабильности и безопасности политическими методами, в том числе с использованием инструментария Лиги Наций и фактора общественного мнения;

осознание все более расширяющихся границ самого феномена мировой политики, охватывавшего экономические, финансовые и социальные реалии, политики, которая вершилась уже отнюдь не только на европейском континенте, но и на просторах земного шара, отдельные части которого становились все более взаимозависимыми, — все это свидетельство о глубокой трансформации не только международно-политических реалий, но и о расширении концептуального арсенала политиков и дипломатов послевоенной эпохи. Соседство с новыми тенденциями развития старых явлений или стремление вернуться к ним, сохранение традиционных межгосударственных противоречий и принципов «Realpolitik» — все это делало политическую картину 1920-х гг. еще более турбулентной и переходной, не говоря уже о тех факторах, о которых упоминалось в этой статье лишь вскользь (революционные изменения, внутренние трансформации европейских обществ, новые идеологии и др.). Первая мировая война, «пролог XX века», действительно, открыла новую эпоху, одной из черт которых стало усложнение международно-политических процессов, нередко остро ощущавшееся уже современниками в 1920-е гг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Барьети Ж. Советский Союз в европейской политике Аристиды Бриана // Объединение Европы и Советский Союз, 1919–1932 / Отв. ред. М. М. Наринский. М., 1999. С. 111–128.
2. Джордан В. М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 гг. М., 1945. 302 с.
3. Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959. 511 с.
4. Магадеев И. Э. Восприятие французскими политиками угроз безопасности в 1920-е годы // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 58–69.
5. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Манькина. М., 2014. 816 с.
6. After-War Trade: Britain's Economic Policy. Speech by Mr. Lloyd George // The Dominion. 16 November 1918.
7. Boyce R. Economics and the Crisis of British Foreign Policy Management, 1914–45 // Decisions and Diplomacy: Essays in Twentieth-Century International History / Ed. by D. Richardson, G. Stone. London, 1995. P. 9–41.
8. Briand aux postes diplomatiques (Berlin, Londres, Bruxelles et al.), 3 novembre 1925 // Service Historique de Défense, 4N94, Dossier 6.

9. Cambon J. *Le diplomate*. Paris, 1926. 119 p.
10. Carsten F.L. *Revolution in Central Europe, 1918–1919*. London, 1972. 360 p.
11. Chamberlain A. *Great Britain as a European Power* // *Journal of the Royal Institute of International Affairs*. 1930. Vol. 9. No. 2. P. 180–188.
12. Clémentel É. *La France et la politique économique interalliée*. Paris, 1931. 376 p.
13. Cohrs P.O. *The Unfinished Peace After World War I: America, Britain and the Stabilisation of Europe, 1919–1932*. Cambridge, 2006. 693 p.
14. Committee of Imperial Defence (далее — CID), Minutes of the 192nd Meeting, December 15, 1924 (in: C. P. 105 (25)) // *The National Archives of Great Britain (далее — TNA)*, Cabinet Office (далее — CAB) 24/172.
15. Committee of Imperial Defence, Extract from the Minutes of the 239th Meeting, December 13, 1928 (in: C. P. 405 (28)) // TNA, CAB24/199.
16. CID174-A, *The Channel Tunnel: Some Imperial Defence Aspects*, Note by Hankey, May 22, 1930 (in: C. P. 183 (30)) // TNA, CAB24/212.
17. C. P. 118 (25), *French and Belgian Security*, Memo by Churchill, February 24, 1925 // TNA, CAB24/172.
18. C. P. 122 (25), *British Foreign Policy and the Problem of Security*, Memo by Chamberlain, February 26, 1925 // TNA, CAB24/172.
19. *Documents diplomatiques français (далее — DDF)*. 1920. Vol. 2. Paris, 1999. 688 p.
20. DDF. 1923. Vol. 1. Bruxelles, 2010. 756 p.
21. *Étude sur la défense de l'Afrique du Nord, octobre 1922* // Archives Nationales, Papiers Lyautey, 475 Archives privées 153.
22. Fabre-Luce A. *Locarno sans rêves*. Paris, 1927. 241 p.
23. Jackson P. *Beyond the Balance of Power: France and the Politics of National Security in the Era of the First World War*. Cambridge, 2013. 577 p.
24. Jacobson J. *Locarno Diplomacy: Germany and the West, 1925–1929*. Princeton, 1972. 434 p.
25. Johnson G. *Austen Chamberlain and Britain's Relations with France, 1924–1929* // *Diplomacy & Statecraft*. 2006. Vol. 17. No. 4. P. 753–769.
26. League of Nations, Report of the Third Committee to the Third Assembly, September 22, 1922 (in: C. P. 4275) // TNA, CAB24/139.
27. Marks S. *The Illusion of Peace: International Relations in Europe 1918–1933*. Basingstoke, 2003. 224 p.
28. Note de Guionic, 18 février 1918 // Bibliothèque nationale de France (далее — BNF), Département des manuscrits (далее — DM), Nouvelles acquisitions françaises (далее — NAF) 16055.
29. Notes de Poincaré, 2 mars 1920 // BNF, DM, NAF 16063.
30. Soutou G. — H. *La Première Guerre mondiale: une rupture dans l'évolution de l'ordre européen* // *Politique étrangère*. 2000. Vol. 65. No. 3. P. 841–853.

31. Steiner Z. *The Lights that Failed: European International History*. Oxford, 2005. 960 p.
32. Stevenson D. *With our Backs to the Wall: Victory and Defeat in 1918*. Cambridge, 2011. 752 p.
33. Trachtenberg M. "A New Economic Order": Etienne Clementel and French Economic Diplomacy during the First World War // *French Historical Studies*. 1977. Vol. 10. No. 2. P. 315–341.

REFERENCES

1. Bar'eti Zh. Sovetskii Soiuz v evropeiskoi politike Aristida Briana (Soviet Union in the Aristide Briand's European Policy), in M. M. Narinskii, ed. *Ob'edinenie Evropy i Sovetskii Soiuz, 1919–1932* (European Integration and the Soviet Union, 1919–1932). Moscow, 1999, pp. 111–128.
2. Dzhordan V. M. *Velikobritaniia, Frantsiia i germanskaia problema v 1918–1939 gg.* (Great Britain, France and the German question in 1918–1939). Moscow, 1945, 302 p.
3. *Lokarnskaia konferentsiia 1925 g. Dokumenty* (Locarno conference of 1925. Documents). Moscow, 1959, 511 p.
4. Magadeev I. E. Vospriatie frantsuzskimi politikami ugroz bezopasnosti v 1920-e gody (Security threats in perception of the French politicians of the 1920s), *Novaia i noveishaia istoriia*, 2012, No. 4, pp. 58–69.
5. L. S. Belousov, A. S. Manykin, eds. *Pervaia mirovaia voina i sud'by evropeiskoi tsivilizatsii* (The First World War and the destinies of the European civilization). Moscow, 2014, 816 p.
6. After-War Trade: Britain's Economic Policy. Speech by Mr. Lloyd George, *The Dominion*, 16 November 1918.
7. Boyce R. Economics and the Crisis of British Foreign Policy Management, 1914–45, in D. Richardson, G. Stone, eds. *Decisions and Diplomacy: Essays in Twentieth-Century International History*. London, 1995, pp. 9–41.
8. Briand aux postes diplomatiques (Berlin, Londres, Bruxelles et al.), 3 novembre 1925, in *Service Historique de Défense*, 4N94, Dossier 6.
9. Cambon J. *Le diplomate*. Paris, 1926, 119 p.
10. Carsten F. L. *Revolution in Central Europe, 1918–1919*. London, 1972, 360 p.
11. Chamberlain A. Great Britain as a European Power, *Journal of the Royal Institute of International Affairs*, 1930, Vol. 9, No. 2, pp. 180–188.
12. Clémentel É. *La France et la politique économique interalliée*. Paris, 1931, 376 p.
13. Cohrs P. O. *The Unfinished Peace After World War I: America, Britain and the Stabilisation of Europe, 1919–1932*. Cambridge, 2006, 693 p.

14. Committee of Imperial Defence (далее — CID), Minutes of the 192nd Meeting, December 15, 1924 (in: C. P. 105 (25)), in *The National Archives of Great Britain* (далее — TNA), Cabinet Office (далее — CAB) 24/172.
15. Committee of Imperial Defence, Extract from the Minutes of the 239th Meeting, December 13, 1928 (in: C. P. 405 (28)), in TNA, CAB24/199.
16. CID174-A, The Channel Tunnel: Some Imperial Defence Aspects, Note by Hankey, May 22, 1930 (in: C. P. 183 (30)), in TNA, CAB24/212.
17. C. P. 118 (25), French and Belgian Security, Memo by Churchill, February 24, 1925, in TNA, CAB24/172.
18. C. P. 122 (25), British Foreign Policy and the Problem of Security, Memo by Chamberlain, February 26, 1925, in TNA, CAB24/172.
19. *Documents diplomatiques français* (далее — DDF). 1920. Vol. 2. Paris, 1999, 688 p.
20. DDF. 1923. Vol. 1. Bruxelles, 2010, 756 p.
21. Étude sur la défense de l'Afrique du Nord, octobre 1922, in *Archives Nationales*, Papiers Lyautey, 475 Archives privées 153.
22. Fabre-Luce A. *Locarno sans rêves*. Paris, 1927, 241 p.
23. Jackson P. *Beyond the Balance of Power: France and the Politics of National Security in the Era of the First World War*. Cambridge, 2013, 577 p.
24. Jacobson J. *Locarno Diplomacy: Germany and the West, 1925–1929*. Princeton, 1972, 434 p.
25. Johnson G. Austen Chamberlain and Britain's Relations with France, 1924–1929, *Diplomacy & Statecraft*, 2006, Vol. 17, No. 4, pp. 753–769.
26. League of Nations, Report of the Third Committee to the Third Assembly, September 22, 1922 (in: C. P. 4275), in TNA, CAB24/139.
27. Marks S. *The Illusion of Peace: International Relations in Europe 1918–1933*. Basingstoke, 2003, 224 p.
28. Note de Guionic, 18 février 1918, in *Bibliothèque nationale de France* (далее — BNF), Département des manuscrits (далее — DM), Nouvelles acquisitions françaises (далее — NAF) 16055.
29. Notes de Poincaré, 2 mars 1920, in BNF, DM, NAF 16063.
30. Soutou G. — H. La Première Guerre mondiale: une rupture dans l'évolution de l'ordre européen, *Politique étrangère*, 2000, Vol. 65, No. 3, pp. 841–853.
31. Steiner Z. *The Lights that Failed: European International History*. Oxford, 2005, 960 p.
32. Stevenson D. *With our Backs to the Wall: Victory and Defeat in 1918*. Cambridge, 2011, 752 p.
33. Trachtenberg M. “A New Economic Order”: Etienne Clementel and French Economic Diplomacy during the First World War, *French Historical Studies*, 1977, Vol. 10, No. 2, pp. 315–341.